

— Методы семьи Лу становятся все презреннее. Неужели урока двадцати одного года назад мало? — нахмурился Тан Линьюй.

Еще со времен деда семьи Се и Лу стояли по разные стороны баррикад, а Тан, будучи связан с Се, естественно, оказался против Лу.

Тан Линцю мрачно произнес:

— Мы с двоюродным братом подозреваем, что это личная инициатива Лу Инляна, но после случившегося семья Лу, конечно же, помогла ему замести следы.

Поэтому Се не могут найти улики против Лу, а без улик требовать объяснений нельзя, отчего Тан Линцю был крайне раздражен.

— Лу Инлян? — Тан Линьюй усмехнулся. — У него только такие методы и остались. На мой взгляд, какой он «сын семьи Лу»? Просто мелочный и коварный подлец. Сравнить его с Се Цинжуном или собой? Лу Инлян не стоит.

— Тетушка, тетя Тао, — войдя в дом, Тан Линцю уже скрыл мрачность и вежливо поприветствовал тех, кто был в гостиной, а затем кивнул юноше, сидевшему рядом с Тао Миньсю.

У старейшины Тан было двое сыновей и дочь. Отец Тан Линцю был вторым сыном. После смерти матери он сошелся с Тао Миньсю из ансамбля, женился, и вскоре родился его единородный брат Тан Линъань.

— Сяо Цю вернулся. Как здоровье старика Се? Твой дедушка велел тебе к нему в кабинет зайти, — ласково улыбнулась старшая невестка Тана, Дай Хун, глядя на племянника, вошедшего вместе с сыном, и указала наверх, в сторону кабинета.

Хотя она и не могла относиться к нему как к родному сыну, племянника Тан Линцю она очень любила и заботилась о нем даже больше, чем мачеха Тао Миньсю.

Тао Миньсю тоже улыбнулась и подтолкнула сына:

— Ты же все время о брате вспоминал, как встретил человека и не поздоровался? Сяо Цю, этот ребенок еще мал, а уже стесняется.

Тан Линъань неохотно пробурчал:

— Старший брат, второй брат.

— Ничего, — Тан Линцю взглянул на него и повернулся к тете. — Дедушка в порядке, говорит, даже правнуков ждет. Тетушка, я пойду наверх.

— Ну, иди, — услышав про правнуков, Дай Хун тут же уставилась на своего сына.

У людей уже правнуки, а у нее и внука-то нет, о невестке и речи нет. Она тут же принялась отчитывать сына. Тан Линьюй потер ухо и с укором взглянул на спину младшего брата, поднимавшегося по лестнице: всё из-за Сяо Цю, зачем было про правнуков вспоминать?

[Тук-тук], Тан Линцю слегка постучал.

— Войдите.

Тан Линцю толкнул дверь. Кабинет был оформлен очень внушительно. На стене висела каллиграфия, мощная и сильная, работы самого хозяина кабинета — старика Тан Цзэпина, сидевшего в кресле. Его волосы уже наполовину седые, но он все еще изучал власть, не гневаясь. Увидев вошедшего, он смягчил суровое выражение и показал легкую добрую улыбку:

— Сяо Цю вернулся. Иди ко мне, садись рядом.

Старик поднялся и подошел к дивану с журнальным столиком, жестом приглашая Тан Линцю сесть. К этому внуку Тан Цзэпин относился гораздо снисходительнее, чем к остальным. Может, из жалости, что рано мать потерял, а мачеха — недалекая. В молодости он, занятый работой, упустил этого внука, и только сейчас понял, как мелочна вторая невестка. Не из знатного рода, видит только то, что под носом, но что уж поделаешь, теперь поздно.

— Дедушка, — Тан Линцю вежливо сел рядом с Тан Цзэпином.

— Как твой дедушка Се? — Тан Цзэпин был еще ближе со стариком Се.

Именно их почти товарищеские отношения поддерживали хорошие связи между двумя родами. Более двадцати лет назад они хотели укрепить союз, поэтому устроили брак между детьми. Хотя мама Тан Линцю уже не была в живых, он оставался связующим звеном. Но если бы Тан слишком обидел этого внука без материнской защиты, отношения между Тан и Се были бы не просто плохими, а враждебными.

В семье Се пока старик Се у руля. Людей в роду Се меньше, чем в Тане, только сын и дочь. И старик Се, и отец Се Цинжуна очень любили маму Тан Линцю. Они не хотели, чтобы похищение двадцать один год назад привело к ее ранней смерти и оставило Тан Линцю в раннем возрасте без мамы, поэтому семья Се очень ценила Тан Линцю. Если бы Тан посмел обидеть этого юношу, Се вполне могли бы потребовать, чтобы он сменил фамилию на Се.

— Дедушка в порядке, он просил передать тебе, чтобы ты зашел сыграть с ним в шахматы, когда будет время, — лицо Тан Линцю тоже смягчилось.

Тан Цзэпин успокоился:

— Этот старик — ужасный шахматист, кроме меня, никто его не терпит. Мы старые, осталось нам немного, в будущем полагаться будем на вас, молодых. В семье Се есть твой двоюродный брат Цинжун, у нас в Тяньцзине — старший брат. Если больших ошибок не будет, всё пойдет ровно. Только вот ты не хочешь идти в политику.

В семье Тан поддерживают того, кто способен. Но только вторая невестка целится в Сяо Цю, боится, как бы он не отнял ресурсы у родного сына и не испортил тому карьеру. Если бы не старший — разумный, с достоинством наследника, всегда опекающий младших братьев, сердце этого внука было бы уже оттолкнуто той мелочной женщиной, и он вполне мог бы сменить фамилию. Он знал, что старик Се только и мечтает, чтобы внук стал родным внуком.

— Дедушка, ты же сам сказал, что в семье Тан есть старший брат. Он спокойнее всех нас младших. Дедушка, не переживай, я всегда буду поддерживать старшего брата, — пообещал Тан Линцю, зная о чем думает дед.

Он был потомком Тана, и когда он был вне дома, его называли «вторым молодым господином Тан». Он, конечно, не забудет Тан и не поступится им.

Старейшина Тан был рад разуму внука. Среди младшего поколения самыми выдающимися

были Сяо Юй и этот ребенок. Хотя этот обычно не выставлял себя напоказ, старейшина Тан провел небольшое расследование и узнал, что этот ребенок собственными силами накопил немалый капитал. Это его успокоило, позволив этому ребенку действовать снаружи. С его финансовой поддержкой старший внук и семья Тан смогут оставаться непобедимыми.

— Что старик Се сказал по поводу этого дела? — В глазах Тан Цзэпина промелькнула строгость.

Долго не встряхивали, люди меры не знают, методы становятся все подлее. Другие знатные семейства города В этого тоже не потерпят. Если все научатся таким методам, уничтожая соперников любыми средствами, даже до смерти, кто из потомков осмелится выйти из города В или развиваться вне его? Кто может гарантировать, что рядом всегда будет охрана и ни единой ошибки не будет?

Старейшина всегда верил в открытую стратегию. При открытой стратегии проигрыш не важен, проиграл сегодня — выиграешь завтра. Но жизнь потеряешь — второй раз не начнешь. Это подлый метод, рубящий людям пути к отступлению.

— Дедушка сказал, что через пару дней найдет тебя и других стариков, чтобы вместе чай попить, — передал Тан Линцю слова деда.

Старейшина Тан хлопнул по подлокотнику и рассмеялся:

— Хорошо, нам, старикам, тоже пора пошевелиться. Я позвоню старому Се, договоримся о времени — обязательно приду.

Дед с внуком еще поговорили, и только тогда старейшина Тан позволил Тан Линцю помочь ему спуститься вниз на ужин. К этому времени старший и второй сыновья Тана уже вернулись с работы, и все третье поколение тоже собралось. Увидев, что старейшина спускается, все встали. Увидев рядом Тан Линцю, у нескольких даже глаза загорелись, они ему подмигнули. Старший и второй сыновья Тана были на политическом поприще, единственная же дочь пошла в армию, «не уступая мужчинам», вышла замуж за такого же военного, но без бэкграунда, но жили они душа в душу, родили двойню. Хотя они и не носили фамилию Тан, старейшина Тан их очень любил, обычно они жили в родовом особняке.

Атмосфера за столом в целом была гармоничной. Даже если у кого-то и были мысли, никто не смел сеять раздор за столом, все надевали доброжелательные маски и спрашивали о здоровье.

После еды Тан Хайвэнь с суровым лицом отчитывал сына:

— Сколько дней ты нормально в школе не был? Неужели ты хочешь, чтобы в семье Тан появился отпрыск, которого выгонят из школы за прогулы? У Цинжуна там дел по горло, а ему еще нужно отвлекаться, чтобы за тобой присматривать. Тебе уже сколько лет, а ты все не понимаешь?

<http://bllate.org/book/16666/1528342>